

**ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА ПОСРЕДСТВОМ РЕАЛИЗАЦИИ
МЕР ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)**

Е. В. Марынина

*доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
evmarina@msal.ru*

Прокурору в уголовном процессе отведена значительная роль для выявления и устранения ошибок, допущенных как при возбуждении уголовного дела, так и при производстве предварительного расследования. Имея общие исторические корни и похожее представление об уголовном процессе, тем не менее, полномочия прокурора в Республике Беларусь значительно шире, чем в Российской Федерации. В связи с этим важно провести сравнительно-правовой анализ основных тенденций по закреплению процессуального статуса прокурора, а также определить основные направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: прокурор; уголовное судопроизводство; предварительное расследование; процессуальная функция; акты прокурорского реагирования.

В Законе Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» прокурорский надзор за ОРД и прокурорский надзор за предварительным расследованием регулируются разными главами. Несмотря на то, что эти два вида деятельности непосредственно связаны с раскрытием преступлений и изобличением виновных лиц, тем не менее, они концептуально отличаются по своему содержанию, и прокурорский надзор имеет свою специфику: допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, изучение дел оперативного учёта.

Прокурор в Республике Беларусь по-прежнему даёт санкцию либо отказывает в даче санкции на проведение или возобновление оперативно-розыскных мероприятий, а также даёт обязательные для исполнения письменные указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам, а также о прекращении проведения оперативно-розыскных мероприятий, т.е. непосредственно взаимодействует с оперативными подразделениями.

В России у прокурора такие полномочия отсутствуют, что, безусловно, ограничивает прокурора в возможности оперативно реагировать на несвоевременное проведение оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками оперативных подразделений, а значит, создаются препятствия для быстрого восстановления прав потерпевших. При этом подобного рода недостатки в работе оперативных подразделений могут быть выявлены при проверке как приостановленных уголовных дел, так и уголовных дел по нераскрытым преступлениям.

В связи с этим, возвращение российскому прокурору полномочий по направлению в оперативно-розыскные органы поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий позволит своевременно и в разумные сроки, не допуская пресловутой волокиты, восстанавливать права участников уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 34 УПК прокурор может пользоваться полномочиями следователя, принимая к своему производству расследование уголовного дела, применять меры пресечения, санкционировать применение мер пресечения и следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека, а также – прекращать уголовное дело. С 2007 г. в России прокурор лишен таких полномочий. Как пишет Б. Я. Гаврилов, подобного рода изменения, с одной стороны, повысили эффективность внутриведомственного процессуального контроля, а с другой – усилили надзорную деятельность прокурора, в подтверждение этой позиции приводится статистика об увеличении после соответствующей реформы количества возвращённых прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования и снижении возвращённых уголовных дел прокурору судом [1, с. 197].

В то же время есть и противоположный подход к оценке оптимального объёма процессуальных полномочий прокурора, так В. Н. Исаенко предлагает возвратить прокурору следующие полномочия: возбуждение уголовного дела и направление его в органы предварительного расследования; проведение в необходимых случаях предварительного следствия; дача следователю обязательных для исполнения письменных указаний о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий; а также дача согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения [2, с. 53].

Возвращение прокурору права на возбуждение уголовного дела в ситуации отсутствия следственного аппарата в органах прокуратуры является малоэффективной мерой по восстановлению нарушенных прав, так как если изначально следователь не видит оснований для возбуждения уголовного дела, то не им возбуждённое уголовное дело через два месяца приведёт к приостановлению уголовного дела в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Другие предложения оправданы. Так, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, прокурор, согласно п. 1.8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», обязан участвовать в судебном заседании и давать заключение об обоснованности ходатайства органа предварительного следствия об избрании меры пересечения судом. Более того, ещё до рассмотрения соответствующего ходатайства он должен изучить приложенные к ходатайству материалы, проверить соответствие постановления следователя требованиям уголовно-процессуального закона и установленным в ходе расследования обстоятельствам. При этом следователь в соответствии с УПК РФ не обязан заранее знакомить прокурора с заявлением ходатайством.

Что же касается обязательных для исполнения указаний следователю, то это вопрос интересный. Суть проведённой в 2007 г. в России реформы сводилась к обеспечению процессуальной независимости следователя от органов прокуратуры. Это привело к неоднородности правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации. Прокурор, обнаружив нарушение закона при расследовании преступления, может внести требование или представление об устраниении выявленных нарушений закона. В некоторых регионах России, чтобы подчеркнуть самостоятельность следователей, в следственный орган направляется информация, в которой отражаются допущенные нарушения в ходе предварительного следствия, требующие устраниния. Таким образом, прокурор лишь констатирует факт нарушения, но реальной возможности его устраниить не имеет, так как ни требование, ни представление, ни, тем более, иная информация не

являются обязательными для руководителя следственного органа. Такая модель представляется нелогичной, так как если прокурор должен реагировать на нарушения закона, допущенные следователем, и он их выявил, то их устранение должно быть обязательным, в противном случае возникает вопрос: в чём смысл прокурорской проверки?

Прокурор наделён правом признавать доказательства недопустимыми, однако этим правом он пользуется крайне редко, ограничиваясь внесением вышеперечисленных актов прокурорского реагирования. Решение о вынесении соответствующего постановления может быть принято только после тщательного изучения материалов уголовного дела.

Однако и здесь имеются определённые сложности, согласно п. 1 ч. 5 ст. 34 УПК, прокурор может истребовать от следователя уголовное дело для проверки, и тот обязан в течение 72 часов его передать. В России прокурор составляет мотивированное постановление, чтобы ознакомиться с материалами уголовного дела. При этом следователь может посчитать недостаточно обоснованным такой запрос.

Прокурор должен иметь возможность осуществлять надзор за законностью расследования на постоянной основе, единственный мотив для проверки материалов уголовного дела – проверка соблюдения закона при производстве следственных действий и отсутствия нарушения прав участников уголовного судопроизводства. Никаких дополнительных обоснований своего решения прокурор не должен «придумывать», также необходимо на законодательном уровне установить срок для исполнения такого запроса. Только такой подход может обеспечить назначение уголовного судопроизводства, а не внутриведомственные интересы отдельных органов, осуществляющих предварительное следствие. Более того, именно прокурор в итоге несёт ответственность за доказательства, находящиеся в материалах уголовного дела, он в дальнейшем будет поддерживать государственное обвинение в суде, он наделён правом отказаться от предъявленного обвинения полностью или частично.

Возвращаясь к практике вынесения прокурором постановлений о признании доказательств недопустимыми, отметим, что такая практика почти отсутствует, прокуроры часто не заинтересованы в исключении доказательств и «до последнего» пытаются «сохранить» собранные следователями доказательства для суда. Способствует этому и оценочный характер понятия «существенные нарушения» как основания для признания судом доказательств недопустимыми (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»).

Обвинительное заключение определяет пределы судебного разбирательства и является гарантией от необоснованного обвинения. Ст. 263 УПК закрепляет перечень вопросов, подлежащих разрешению прокурором перед принятием решения о направлении уголовного дела в суд. В УПК РФ такая статья отсутствует, хотя в УПК РСФСР была аналогичная ст. 213. Правда, белорусский законодатель в числе вопросов не указал «произведено ли доказывание или предварительное следствие всесторонне, полно и объективно», хотя в качестве принципа уголовного судопроизводства это правило закреплено.

Вообще белорусский законодатель успешно соединил два принципа оценки доказательств: всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела (ст. 18 УПК) и оценка доказательств по внутреннему убеждению (ст. 19 УПК). Как спра-

ведливо указывается в литературе, такой подход позволил ввести в уголовное судопроизводство нравственно-правовую составляющую оценки, связанную с уровнем правосознания субъекта, наличием или отсутствием у него профессиональных деформаций [3, с. 71].

Полномочия российского прокурора по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением также существенно сокращены, он не может прекратить уголовное дело (уголовное преследование), самостоятельно изменить объём обвинения или переквалифицировать деяние. При этом в отношении дознавателя (ст. 226 УПК РФ) у него это полномочие сохранено. Логика законодателя не совсем ясна, дознаватель и так должен принимать к исполнению указания прокурора, поэтому сложно представить ситуацию, когда у прокурора нет замечаний к производимому дознанию и только на завершающем этапе расследования появляются сомнения, что основания для привлечения лица к уголовной ответственности отсутствуют.

В то же время в отношении расследованного следователем уголовного дела такое полномочие будет не лишним, но только в тех случаях, когда речь идет о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Дело в том, что когда речь идет о так называемых реабилитирующих основаниях, прокурор, лишённый права давать указания следователю относительно хода расследования, самостоятельно проводить необходимые следственные действия или хотя бы давать соответствующее поручение на производство следственных действий, не сможет подтвердить или опровергнуть выдвинутую им версию о совершённом деянии. При этом, когда речь идет о нереабилитирующих основаниях, при наличии письменного согласия обвиняемого на прекращение уголовного дела и других условий, закреплённых в уголовном законодательстве, прокурор может провести проверку имеющихся в уголовном деле доказательств и принять такое решение.

Таким образом, изначально Россия и Беларусь, принадлежащие к одной правовой семье и имевшие общие традиции советского права, не всегда одинаково определяют положение прокурора в уголовном судопроизводстве. С одной стороны, имеется стремление к обеспечению прав и свобод участников уголовного процесса, в том числе средствами прокурорского надзора. С другой стороны, российский законодатель в попытке усилить процессуальную независимость следственных органов настолько сузил полномочия прокурора, что вопрос об исполнимости решений прокурора, который имеет все возможности для обнаружения нарушений закона, допущенных следователем, становится весьма серьёзным. При этом акты прокурорского реагирования не всегда устраняют эти нарушения.

Библиографический список

1. Гаврилов, Б. Я. Актуальные вопросы уголовного досудебного производства: позиция законодателя, мнение учёного и правоприменительная практика / Б. Я. Гаврилов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVII Междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 4–5 апр. 2024 г. : в 2 ч. / Сибирский юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Фед.; отв. ред. Д. В. Ким. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2024. – С. 196–198.
2. Исаенко, В. Н. О дефиците полномочий прокурора в современном досудебном уголовном судопроизводстве / В. Н. Исаенко // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – № 1. – Т. 3. – С. 49–56.
3. Конин, В. В. Некоторые вопросы оценки доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь / В. В. Конин, Е. В. Марковичева, И. И. Эсмантович // Изв. Гомельск. гос. ун-та имени Ф. Скорины. – 2023. – № 2 (137). – С. 70–73.